

Стренковский Сергей Петрович

ВЛАСТЬ ВОЙТОВ В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО, НЕ ИМЕВШИХ НЕМЕЦКОГО ПРАВА

В статье исследуется институт войтовской власти в городах Великого княжества Литовского, не имевших магдебургского права, в XVI-XVII веках. Войты обладали распорядительными, надзорными, фискальными полномочиями, ограниченной судебной властью. Активную роль в назначении войтов играла городская община, которая могла инициировать и их отрешение от власти. Иногда при рассмотрении судебных тяжб в качестве источника права войты могли пользоваться магдебургским правом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С. 166-169. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(476)

В статье исследуется институт войтовской власти в городах Великого княжества Литовского, не имевших магдебургского права, в XVI-XVII веках. Войты обладали распорядительными, надзорными, фискальными полномочиями, ограниченной судебной властью. Активную роль в назначении войтов играла городская община, которая могла инициировать и их отрешение от власти. Иногда при рассмотрении судебных тяжб в качестве источника права войты могли пользоваться магдебургским правом.

Ключевые слова и фразы: городское самоуправление; войтовское самоуправление; магдебургское право; немецкое право; войт; привилегия.

Сергей Петрович Стренковский, к.и.н.

Кафедра управления

Минский городской институт развития образования, Белоруссия

strenkovskii@minsk.edu.by

ВЛАСТЬ ВОЙТОВ В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО, НЕ ИМЕВШИХ НЕМЕЦКОГО ПРАВА[©]

Самоуправление является неотъемлемым атрибутом такого феномена феодальной эпохи, как город. Именно из системы институтов городского самоуправления выросли многие принципы деятельности и структуры, характерные для органов власти и управления последующих эпох. Неотъемлемым элементом этой системы является институт войтовской власти, который был характерен как для городов, обладавших магдебургским правом, так и для городских поселений, его не имевших. Будучи ключевым по своему характеру элементом публичной власти в городах, войтовство оказывало огромное влияние на их социально-экономическое и политическое развитие.

Изучение самоуправления городов Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) феодальной эпохи довольно активно началось ещё с середины XIX века. В трудах дореволюционных историков М. Ф. Владимирского-Буданова [5], В. Б. Антоновича [4, с. 1-91], А. С. Грушевского [6], М. Довнар-Запольского [7], В. И. Пичеты [13] довольно точно определены 2 этапа развития городского самоуправления – вечевой и магдебургский – и, соответственно, 2 его модели – вечевая и магдебургская. Их исследование было продолжено в советский и постсоветский периоды. Хотя в трудах З. Ю. Копыцкого [9], С. Александровича [20], Ю. Бардаха [21] отмечалось, что элементы самоуправления иногда появлялись перед получением немецкого права. Непосредственно институту войтовства посвящена лишь работа В. Д. Дружница [8], в которой приведены отдельные сведения, характеризующие власть войтов в городах и местечках, не имевших немецкого права. Лишь в последнее время в работах белорусских историков М. Д. Макарова [10] и С. П. Стренковского [16-19] вопросу существования самоуправления городов ВКЛ, не имевших магдебургского права, стало уделяться особое внимание: анализируются особенности такого самоуправления в отдельных городах ВКЛ, его региональные системы.

В XVI веке свидетельством существования самоуправления в городах может быть наличие особой «местской» печати. На их наличие указывают, к примеру, мытные грамоты Кричеву 1568 году [11, д. 73, л. 395 об. - 397] и Любечу 1570 году [Там же, д. 267, л. 309 об.]. В 1577 году оршанские мещане направили королю письмо под своей городской печатью с описанием своих повинностей [Там же, д. 59, л. 28 об. - 30]. Мещане некоторых городов сами просили королей о пожаловании им герба. Так, жители Гомеля по грамоте Сигизмунда Августа 21 марта 1560 года получили герб «Крыж», «абы омешканье и затрудненье таковым справам и потребам их меским не деялося» [Там же, д. 37, л. 419 - 419 об.]. Аналогичные грамоты получили мещане Дисне на герб «Три вежи» в 1567 году [Там же, д. 106, л. 255 об.] и мещане Суража на герб «Замок и три вежи» в 1576 году [Там же, д. 58, л. 170]. Отсутствие особой городской печати может свидетельствовать об отсутствии окончательного оформления органов самоуправления. Так, например, в Мстиславе в 1567 году копии беспощлиного листа скреплялись печатью «врада замкового» [Там же, д. 267, л. 192].

Главным показателем того, что войтовская власть – это институт самоуправления, на наш взгляд, является участие общины в назначении войты на его должность. Так, Сигизмунд I грамотой от 1 ноября 1529 года подтвердил мещанину Марку Чижевичу браславское войтовство, которое тот получил от державцы Павла Сапеги «для жеданья всех мещан браславских» [14, с. 337]. Привилегия Стефана Батория мещанину Никодиму Федоровичу на войтовство в Острине 5 декабря 1579 года отмечает: «...на которое войтовство обравши они (мещане) межи собою... суседа своего... знаючи его в том быти порядного» [11, д. 64, л. 287 об. - 288]. За подтверждением на витебское войтовство Семёну Савлуку к Стефану Баторию 12 июня 1580 года обратился витебский воевода Станислав Пац «и вси мещане тамошние витебские за тым же... до нас (короля) лист свой под печатьми своими и местскою писали» [Там же, д. 66, л. 103 - 103 об.]. Павел Сталенговский был назначен на войтовство в Волпе Яном Ходкевичем и подтвержден Стефаном Баторием 6 ноября 1587 года «за просбою мещан» [Там же, д. 65, л. 198 об. - 199]. Привилегию от 27 февраля 1592 года на подтверждение

витебского войтовства от Сигизмунда III получил назначенный воеводой Николаем Сапегой «за обраньем их (*мещан*) межы собою» Богдан Яковлевич Гром [Там же, д. 78, л. 112 об. - 113].

Та же практика продолжается и в XVII веке. Мещане Крева просили, «абы у них был войтем» Валентий Кияский, что подтвердили ревизоры Ян Корсак и Ян Корвин-Гонсевский, а 11 сентября 1601 года конфирмовал Сигизмунд III [Там же, д. 85, л. 154]. Вольность избрания мещанами войта в Креве подтвердил Ян III 9 февраля 1679 года [1, с. 82]. Грамота 1 октября 1603 года говорит о том, что «били чолом мещане логишынские, абыхмо им дали войтом... Яна Федюшка» [11, д. 88, л. 77 об. - 78]. Подскарбий Николай Кишка «в соответствии с волей нашей (*короля*)» 8 октября 1642 года назначил войтом в Черикове Александра Атрашкевича, «как от мещан на войтовство черейковское избранного» [Там же, д. 114, л. 208 - 208 об.].

Из приведенных выше примеров видно, что прерогативой назначения войтов, даже при активной роли общины, обладали наместники великого князя: воеводы, державцы, старосты. Верховная власть великого князя проявлялась в утверждении (конфирмации) их решения. При этом в Витебске, к примеру, первоначально назначение войтов относилось непосредственно к компетенции великого князя (*короля*). Так, в грамоте Иеву Харковичу 7 января 1554 года о подтверждении его назначения на витебское войтовство воеводой Станиславом Кишкой король отмечал, что «воеводы николи перед тым сами от себе войтовства там, в том месте Витебском, не давали, одно мы господарь з рамени нашего и подле воли и ласки наше войтов устанавливали» [Там же, д. 35, л. 187-188]. Известны и случаи избрания войтов самими мещанами. Об этом, к примеру, свидетельствует грамота Стефана Батория 21 августа 1577 года Орше [Там же, д. 59, л. 28 об. - 30].

Безусловно, что к основным обязанностям войтов относилась представительская, т.к. большая часть подтверждений великими князьями устав и привилегий инициирована именно войтами. Они же были главными свидетелями при рассмотрении судебных споров, которые касались прав и повинностей городских поселений. В 1520 году пред старостой свидетельствовал привилегии Здитова войт Артём Кумович [2, с. 169-171], а перед ревизорами королевы Боны повинности Давид-Городка в 1555 году войт Филипп Гриневич [6, приложение, с. 109-111]. От имени пинских мещан по судебным делам 1550-х годов выступал войт Андрей Росчина [Там же].

Представительская функция наглядно видна в аренгах привилегий городов и местечек. В 1546 году войт Василий Климович, а в 1580 году войт Станислав Уснарский просили соответственно королеву Бону и короля Стефана Батория о подтверждении привилегий Одельска [11, д. 63, л. 257-260]. О даровании прав Улле в 1577 году к королю обратился войт Ходан Ходорович Беляй [3, с. 208]. Права Бобруйска в 1605 году были подтверждены по просьбе войта Антипа Ригоровича [11, д. 86, л. 523], а в 1619 году – войта Яна Николаевича [Там же, д. 95, л. 199]. Уставу Цирина на конфирмацию в 1598 году представил войт Иван Кайша Федорович [Там же, д. 84, л. 218 об. - 219 об.]. За подтверждением вольностей Суража к Стефану Баторию обращался войт Иван Тарасович Хима [Там же, д. 56, л. 89 об.]. Для засвидетельствования привилегии в магистрат Дисны обращался войт Экимани Каспар Пшеворский [12, д. 2, л. 98].

Не раз за подтверждением прав и вольностей совместно с войтом обращалась вся община. Так, войт и все мещане просят о подтверждении права бортничества в Витебске в 1524 году [22, р. 175], о даровании уставы Сенеке в 1534 году [3, с. 84], о подтверждении привилегий Кричева в 1577 и 1588 годах [11, д. 58, л. 254 - 255 об., д. 73, л. 395 об. - 397], Мстислава – в 1591 и 1610 годах [Там же, д. 76, л. 176 - 176 об., д. 89, л. 180 об.].

Как правило, до середины XVI века уставы не содержали положений, определявших полномочия городских властей. В 1560-е годы такие нормы уже попадают на страницы уставных грамот. Так, мядельская устава говорит, что войт должен «в месте порадку вшелякого перестерегати, пожыток до скарбу гаспадарского привлащать, посланцов господарских на подводах отправлять, на праве, кгда мещан судят, при враде быти, и того мает перестерегати абы один другого крывды над право не поносили», «подданные наши, быючы быдло на продаж, мают оказовати войту албо лавником», «господаре мают коморников ураду албо войту оповедати и в реестр вписывать», «испаш в месте войт з лавниками окопывати мает» [Там же, д. 106, л. 610 об. - 611].

Войты выступали в защиту городских привилегий в случае их нарушения. Так, войт Воиня Сосновский, как следует из судебного решения Сигизмунда I 24 июня 1511 года, «люди посажал, и поля на волоки помеял, и над то дей ратаев дворных с поля согнал», так как воинские мещане посчитали, что эти земли землянин Мартин Заранкевич удерживает незаконно [14, стб. 725-726]. Могилёвский войт от имени мещан просил Стефана Батория принудить подданных могилёвской волости к несению повинностей по ремонту замка совместно с мещанами [3, с. 207].

Функции войтов отражают и привилегии на эту должность конкретным людям. Обычным определением являются фразы: «во всем пристойне и порадне водлуг привилью местского радити, справовати» (привилегия на витебское войтовство 12 июня 1580 года) [11, д. 66, л. 103 - 103 об.], или «радити и справовати верне и порадне, постерегаючы пожытков наших господарских, заховуючы ся во всем водлуг уставы ревизорское» (привилегия на йишишское войтовство 20 июня 1578 года) [Там же, д. 59, л. 136 об.], либо «мает радечи се на нем верне и прыстойне и будучы во всем послушным старосты нашего тамошнего под владзою и присудом его держати и ужывати потому, яко в листе старостином есть описано» (привилегия на бобруйское войтовство 15 января 1602 года) [Там же, д. 86, л. 293 об.].

Однако есть и привилегии на войтовство, которые отражают иные функции войтов. Так, грамота Никодиму Федоровичу на остринское войтовство 1579 года называет функцию «досмотренья всякого порядку в местечку» [Там же, д. 64, л. 287 об. - 288]. Павлу Сталенговскому привилегия 6 ноября 1587 года дает «моц и владностью зупелную мети во всех тых справах, которые до суду его належати будут, по тому, як здавна на войты тамошние приходила» [Там же, д. 65, л. 198 об.].

Судебная, представительская и фискальная функции войтов ещё шире представлены в привилегиях на войтовства в Креве и Логишине. Кревский войт должен был присутствовать, когда подстароста судит мещан, а также при сборе чинша «для того, чтобы с мещан сверх устава, от нас (*короля*) данной и установленной для сбора чинша, более не брали». Войт должен был «жалобы мещанские до ведома доводить и всюду по ним, где такая необходимость существует, ехать» [Там же, д. 85, л. 154 - 154 об.]. Логишинский войт мог «справы, розсудку войтовскому належачые, судити и отпраковать, винных водлуг выступку и розсудку правного карать, в месте всех справ доглядать и добрый порадок ку розшыреню того места чинити и справовати». Он же должен был собирать чинши, налоги и казённые доходы и отвозить их пинскому старосте [Там же, д. 88, л. 77 об. - 78].

Следует отметить, что были отдельные случаи, когда в качестве источника права для войтов, обладавших судебной властью, называлось немецкое городское право. К примеру, грамота 12 июня 1539 года Яну Голимонту на войтовство в Пешатке разрешает ему «судити, и радити, и местом справовати... правом маитборским, которое тому месту будет дано» (*Пешатка его получила в 1568 году*) [23, р. 120]. Привилегия Переросли 1566 года говорит, что до времени пожалования магдебургского права мещане «мают се судити и справовати межи собою в том месте правом маидемборским» [24, р. 45-46]. Отсюда, наверное, можно констатировать главное отличие города, которому было даровано магдебургское право, от города, который им пользовался как источником права. Оно заключалось в освобождении первых от власти и суда воевод, каштелянов, старост и др.

Фискальная функция войтов была едва ли не важнейшей для великих князей. Циринская устава 1565 года отмечает, что войт должен «повинен завжды порадку в месте и пожитков господарских прымножати и доглядати, на подводы под гонцы складати ся и платити во всим по тому, яко в особливой уставе господарской подводной описано» [11, д. 84, л. 219]. Привилегия мозырскому войту 1590 года указывает, что он «верне и пожиточне нам, господару, до того замку Мозырского, постерегаючи пожитков наших, служити будет повинен» [Там же, д. 77, л. 176 об. - 177].

Во вновь основанных местечках войты получали и ещё одну дополнительную обязанность: «тое место нашо ширити, и розмножати, и людьми осаживати», как в грамоте войту Воиня Гричине 1521 года [2, с. 175] или Яну Чаховскому на войтовство в Чаусах 8 февраля 1605 года [11, д. 88, л. 208 об.].

В привилегиях нашли отражение и требования к кандидатам в войты. Витебская привилегия 1580 года говорит о кандидате в войты как о человеке, «на тот врад годным, в том месте добре оседлым и веры годным» [Там же, д. 66, л. 103 - 103 об.]. Ревизорская устава Орши 1593 года требует, чтобы войтом был «чоловек добры, годны, розумны» [Там же, д. 118, л. 43 об.]. Логишинская привилегия 1603 года говорит о «годности и беглости в делах городских» [Там же, д. 66, л. 103 - 103 об.]. Грамота на чаусовское войтовство 1605 года называет такие качества войта, как «умеетность» и «доброе захованье» [Там же, д. 88, л. 208 об.].

Войтовство могло даваться и за определённые заслуги. Так, Станислав Ясколд получил в 1598 году войтовство в Мстибове за заслуги в войне короля Стефана с Москвой [Там же, д. 83, л. 283 - 283 об.]. Лаврентий Валинский получил в 1629 году речичское войтовство за заслуги «в экспедиции московской и валашской» [Там же, д. 102, л. 245 об.], Теодор Савич Корсак получил в 1631 году логишинское войтовство за участие в «экспедициях лифляндских и валашских» [Там же, д. 104, л. 138 об. - 139].

Абсолютное большинство привилегий на войтовство требуют от войтов, чтобы их деятельность «мещанам сверх прав и вольностей, им служащих, опустошением не была», как это записано в привилегии ямскому войту 1644 года [Там же, д. 114, л. 679 - 679 об.]. Грамота Станиславу Матеёвичу на войтовство в Эйшишках 20 июня 1588 года обязывает его исполнять обязанности, «никоторое обтяжливости подданным нашим (*королевским*) не чынечы» [Там же, д. 59, л. 136 об.].

Практически все привилегии на войтовство подтверждают его «до живота». Однако привилегия на войтовство в Волпе Павлу Сталенговскому даёт ему войтовство «до живота», после чего «сын его (*пропуск в тексте*) Павлович на том же войтовстве, будет ли до того годным, с тою ж вольностью до живота своего зостати» может [Там же, д. 73, л. 242-243].

Причём и мещане, и местники, и короли стремились к тому, чтобы войтовства не оставались вакантными, т.к., как говорит привилегия на остринское войтовство 1579 года, «в том дей яко в речах и пожитках наших господарских, так и во власных (*мещан*) патребах их межи ними порадку нету» [Там же, д. 64, л. 287 об. - 288].

Из содержания привилегий на войтовство можно судить, что в случае если войты нарушали права и вольности мещан, то община могла лишить их власти самостоятельно или обратившись к властям государства. Так, витебские мещане в 1580 году, «кгдыж дей от войта бывшего Стефана Лускина великое укrywженье мели», ходатайствовали о назначении новым войтом Семёна Савлука [Там же, д. 58, л. 267 об.]. Когда же и Семён Савлук перестал устраивать витеблян, то в 1592 году витебский воевода по поручению короля «с помененого Совлука тот врад войтовский» сложил [Там же, д. 78, л. 112 об.].

Войтовства давали тем, кто их занимал, определённые доходы. Как правило, это были 1-2 волоки, установленные «Уставой на волоки». Однако мстибовскому войтовству принадлежали 2 волоки и вольная корчма [Там же, д. 83, л. 283 - 283 об.], волпенскому – 2 волоки, 15 прutow огорода, 4 морга сенокоса, дом и вольная корчма [Там же, д. 65, л. 198 об. - 199, д. 85, л. 186 об.], кревскому – 2 волоки и 8,5 моргов, дом с правом вольной торговли алкоголем [Там же, д. 85, л. 154 - 154 об.], витебскому – сёла Каравайное, Озерко и дрягильный налог [Там же, д. 78, л. 112 об.], логишинскому – 3 волоки, 2 участка с домами [Там же, д. 88, л. 77 об. - 78], браславскому – «корчма волная медовая и пивная» [14, с. 337].

При этом, как отмечает привилегия мозырскому войту Семёну Титовичу 10 декабря 1590 года, «хотечи его тым хутливого у послугох вradoви его належачых», некоторым войтам жаловались дополнительные

«пожитки». Так, упомянутый Семён Титович получил 3 волоки земли [11, д. 77, л. 176 об. - 177], войт местечка Яловка Ян Зубра 12 января 1589 года – 3 волоки «до живота» [Там же, д. 73, л. 548], мостовский войт Михаил Иванович 5 сентября 1577 года – 4 волоки «до ласки» [Там же, д. 58, л. 65 - 65 об.], чаусовский войт Леон Петражицкий в 1605 году – 5 волок леса [Там же, д. 85, л. 321 - 321 об.].

Подводя итог, мы можем расширить взгляд М. В. Сильченко о том, что городское самоуправление заполнило тот вакуум властных структур, который появился в городах в результате исчезновения вечевых институтов, причём появилось 2 параллельных структуры: великокняжеская администрация и органы городского самоуправления по магдебургскому образцу [15]. Это были не только институты самоуправления, основанные на немецком праве, но и институты, созданные согласно нормам устав и привилегий, не вводивших магдебургское право. Основным таким институтом были войтовства, которые выполняли функции: надзора за порядком в поселении, в том числе контроля и регистрации новых жителей (либо их привлечение); сбора и передачи в казну податей, нормирования подводной повинности, надзора за выполнением иных повинностей; участия в суде по делам мещан с целью обеспечения их прав либо суда мещан по определённым тяжбам (иногда и по магдебургскому праву); контроля за выполнением правил торговли, в том числе за качеством товаров; разрешения граничных споров мещан. Таким образом, войтовское самоуправление ограничивало феодальное своеволие, позволяло мещанам отстаивать свои права, обеспечивать свои интересы в характерной для эпохи феодализма форме.

Список литературы

1. **Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею.** Вильна, 1886. Т. 13. 481 с.
2. **Акты Литовско-Русского государства.** М., 1899. Вып. 1. 258 с.
3. **Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией.** СПб., 1863. Т. 1. 301 с.
4. **Антонович В. Б.** Исследования о городах Юго-Западной России по актам 1432-1798 гг. Киев, 1870: предисловие к 1 т. 5 ч. Архива Юго-Западной России.
5. **Владимирский-Буданов М. Ф.** Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868. 302 с.
6. **Грушевский А. С.** Пинское Полесье: историч. очерки. Киев, 1903. Ч. 2. 398 с.
7. **Довнар-Запольский М. В.** Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. 807 с.
8. **Дружыц В. Д.** Войты і іх улада ў беларускіх месцах з магдэбургскім правам. Мінск, 1928. 58 с.
9. **Копыцкий З. Ю.** Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII вв. Минск, 1975. 191 с.
10. **Макараў М. Дз.** Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV-XVII ст. Мінск, 2008. 248 с.
11. **Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ).** Ф. КМФ–18. Оп. 1.
12. **Там же.** Ф. 1757. Оп. 1.
13. **Пичета В. И.** Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958. 547 с.
14. **Русская историческая библиотека.** СПб., 1903. Т. 20. Литовская метрика. Т. 1. Книги судебных дел. Отдел 1. Ч. 2. 290 с.
15. **Сільчанка М. У.** Ад князя і веча да вялікага князя, сейма і магдэбургскага права // Проблемы законности и правопорядка в Республике Беларусь. Новополоцк, 2000. С. 3-4.
16. **Стренковский С. П.** Модели самоуправления городов Беларуси в XV-XVIII веках // Общество, общности, человек: в поисках «вечного мира»: материалы II международной научной Интернет-конференции. Тамбов, 2009. С. 179-187.
17. **Стрэнкоўскі С. П.** Гарадское самакіраванне Оршы ў XVI-XVIII стагоддзях // Вестник МГИРО. 2010. № 2. С. 47-55.
18. **Стрэнкоўскі С. П.** Самакіраванне беларускіх гарадоў, не звязанае з нямецкім правам, у XV-XVIII стагоддзях // Вестні БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. 2009. № 1. С. 9-13.
19. **Стрэнкоўскі С. П.** Сістэма самакіравання горада Навагрудка ў XVI-XVIII стагоддзях // Навагрудчына ў гістарычна-культурнай спадчыне. Мінск, 2010. С. 127-134.
20. **Aleksandrowicz S.** Powstanie i rozwój miast województwa Podlaskiego // Akta Baltiko-Sławika. 1964. № 1.
21. **Bardach J.** Miasta na prawie magdeburskim w Wielkim Księstwie Litewskim od schyłku XIV do połowy XVII wieku // Kwartalnik historyczny. 1980. R. 87. № 1.
22. **Lietuvos Metrika.** Vilnius, 2008. Knyga 14. 645 p.
23. **Lietuvos Metrika.** Vilnius, 2009. Knyga 20. 442 p.
24. **Lietuvos Metrika.** Vilnius, 2000. Knyga 51. 485 p.

VOGTS' POWER IN URBAN SETTLEMENTS OF GRAND DUCHY OF LITHUANIA, WHICH DIDN'T HAVE GERMAN LAW

Sergei Petrovich Strenkovskii, Ph. D. in History

Department of Management

Minsk Municipal Institute of Education Development, Byelorussia

strenkovskii@minsk.edu.by

The author researches vogt power institution in the towns of Grand Duchy of Lithuania, which didn't have Magdeburg Law in the XVIth-XVIIth centuries. Vogts had executive, supervisory and fiscal authorities and limited judicial authority. Town community played active role in assigning vogts and could initiate their dismissal. Sometimes vogts could use Magdeburg Law as law source during litigation.

Key words and phrases: municipal government; vogt self-government; Magdeburg Law; German Law; vogt; privilege.